МѢСТО И ЗНАЧЕНІЕ

ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ИНТЕРЕСНЫЕ ВОПРОСЫ СТИХОВЪ КОСМОГОНИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА).

ЕВГЕНІЯ БУДДЕ.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. И. Иса а
1883.

Дозволено Цензурой. Москва, 6 Іюля 1883 г.

МѢСТО И ЗНАЧЕНІЕ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Интересные вопросы стиховъ космогоническаго характера).

«Стихъ»—дѣло священное; онъ сложенъ цѣлымъ народомъ подъ наитіемъ религіознаго творчества, творчества вѣры; потому онъ владѣетъ человѣкомъ,—«на него стихъ нашелъ»—говоритъ народъ о вдохновеніи.

Безсоновъ, Калѣки перех. П т. XXVI стр.

I.

До сихъ поръ русскіе Духовные стихи сравнительно мало интересовали нашу ученую литературу, а, между тѣмъ, изученіе ихъ дастъ возможность рѣшить нѣкоторые весьма важные вопросы какъ изъ исторіи культуры Русскаго народа вообще, такъ и изъ исторіи развитія и вліянія на Русскій народъ христіанскихъ идей въ частности. Изученіе русскихъ Духовныхъ стиховъ сводится, главнымъ образомъ, къ рѣшенію двухъ кардинальныхъ вопросовъ: 1) опредѣлить отношеніе русскихъ духовныхъ стиховъ къ произведеніямъ духовной литературы другихъ европейскихъ народовъ и, тѣмъ самымъ, указать главнѣйшія отличительныя черты русскихъ духовныхъ стиховъ. 2) Указать причины и время появленія русскихъ духовныхъ стиховъ.

Событія изъ священной исторіи, сюжеты изъ религіозной сферы, какъ предметъ поэтическаго вдохновенія мы находимъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ

христіанскихъ народовъ, и съ этой точки зрѣнія наши Духовные стихи есть явленіе не исключительно русской жизни [1]), но наши Духовные стихи, сходясь въ сюжетахъ съ произведеніями другихъ народовъ, рѣзко отличаются отъ нихъ въ обработкѣ этихъ сюжетовъ. Во всѣхъ нашихъ духовныхъ стихахъ представляется смѣшеніе чисто-народнаго элемента съ книжнымъ: съ одной стороны, они повторяютъ языческія преданія, вносятъ въ себя міровоззрѣніе до-христіанскаго народа, съ другой, служатъ отраженіемъ книжной и преимущественно апокрифической литературы Основой нашихъ стиховъ были книжныя, апокрифическія сказанія, но обработка этихъ сказаній шла чисто-народнымъ, безъискусственнымъ путемъ, что сближаетъ наши духовные стихи съ народными русскими произведеніями до-христіанской эпохи: въ нихъ мы видимъ тѣ-же пріемы, тѣ-же воззрѣнія и представленія. какія намъ хорошо знакомы изъ русскихъ былинъ. Ясно, такимъ образомъ, что наши Духовные стихи суть плодъ поэтическаго творчества цѣлаго народа [2]); они видъ безъискусственной поэзіи,

---

[1]) Такъ напр., Византія, начиная со времени императора Аркадія и до Юстиніана, въ своей литературѣ представляла столкновеніе и борьбу язычества съ христіанствомъ всѣ литературныя произведенія этой эпохи носятъ на себѣ почти въ равной мѣрѣ слѣды язычества и христіанства, и лишь VI вѣкъ свидѣтельствуетъ намъ о нѣкоторомъ примиреніи въ литературѣ этихъ двухъ началъ. Намъ извѣстны отъ этого времени такія произведенія, какъ трагедія «Страдающій Христосъ», приписываемая Аполлинарію Лаодикійскому, напоминающая наши духовные стихи подобнаго содержанія, и какъ произведенія Византійскихъ стихотворцевъ. На западѣ нѣсколько ранѣе мы видимъ Седулія, а съ VII вѣка уже смѣло выступаетъ на сцену эпическая духовная поэзія Англосаксовъ; Германія въ IX вѣкѣ даетъ намъ поэму «Heliand» — памятникъ др.-сакс. нарѣчія, а въ XI—XII в сюжеты духовнаго содержанія уже предоставляютъ рѣшительно преобладающій элементъ въ Германіи Франція сравнительно менѣе дала намъ подобныхъ произведеній.

[2]) «Стихи не принадлежатъ одному человѣку, слагателю

тогда какъ духовныя произведенія другихъ народовъ, въ большинствѣ случаевъ, плодъ личнаго творчества и сближаются скорѣе съ произведеніями нашего школьнаго періода литературы XVI и XVII вѣковъ.

Такимъ образомъ, наши Духовные стихи, смѣшивая два элемента, по своему составу суть нѣчто среднее между произведеніями безъискуственной, народной поэзіи и личной, искусственной.

Что касается времени появленія нашихъ стиховъ, то ихъ содержаніе показываетъ, что они обязаны своимъ появленіемъ христіанству. Христіанство повсюду пролило новый свѣтъ и внесло въ народъ цѣлый міръ новыхъ идей; нужно было эти идеи принять, переработать и согласовать съ укоренившимися въ народѣ языческими преданіями; должна была произойти борьба за существованіе идей, и православіе восторжествовало; языческія воззрѣнія народа, строго говоря, не измѣняясь въ сущности, приняли новую форму и окрасились въ христіанскій колоритъ [3]). Такимъ образомъ появилась

или пѣвцу, — пѣвцы лишь разносятъ ихъ, сложить ихъ одинъ человѣкъ не можетъ, сложены и живутъ они въ цѣломъ народѣ, какъ плодъ высшаго наитія, и это наитіе принадлежитъ не одному человѣчеству, — стихи, по народнымъ воззрѣніямъ, бываютъ «ангельскіе», «херувимскіе», «серафимскіе» и т д., т. е. ихъ влагаетъ народъ въ уста «Силамъ Высшимъ». (Безсоновъ Кал. Пер II т. XXVI стр.; см также ibidem. IV стр Варенцовъ, Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 3. Также Буслаевъ Лѣт р. литературы, Тихонравова т. I отд. II, стр. 107 и сл. въ предисловіи къ сборнику Якушкина. 1859 г. и проч.).

[3]) Безсоновъ (Кал. Пер. II т. стр. V, VI) говоритъ, что полнота цѣльнаго творчества (въ русскихъ дух. стихахъ) заслуживаетъ имя «греко-славянской, въ частности греко-русской» Мы съ этимъ не можемъ согласиться вполнѣ, во 1-хъ) въ виду того, что апокрифы есть и русскіе, во 2-хъ) что масса русскихъ духовныхъ стиховъ, напр., стихи о Егоріи почти вовсе не имѣютъ греческаго элемента. Ср , напр., стихъ о Егоріи у Варенцова, у Безсонова, у Кирѣевскаго (Чт Общ Ист и др. IX к. 1848 г.) съ массою чисто-русскихъ обрядовыхъ пѣсенъ о томъ-

потребность и стремленіе въ народѣ примирить идеалы язычества съ идеалами христіанства — естественнымъ выходомъ изъ этого стремленія были русскіе Духовные стихи, носящіе на себѣ языческо-христіанскій характеръ Ранѣе мы видѣли, что русскіе Духовные стихи,

---

же Егоріи у Безсонова (Кал Пер II №№ 542—546), далѣе съ Егоріемъ въ пословицахъ Даля—Пословицы Русскаго народа—II т стр. 499—502, изданіе 1879 г., гдѣ напр. такія пословицы, какъ Юрьева роса отъ сглаза, отъ семи недуговъ; Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ, На Юрья св Егоріи разъѣзжаетъ по лѣсамъ, на бѣломъ конѣ, и раздаетъ звѣрямъ наказы Съ послѣдней пословицей ср. Егорія въ стихахъ. Далѣе, всѣ звѣри у Егорья подъ рукой и проч. А въ сборникѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ Шейна мы находимъ пѣсню № 110 (хороводныя игровыя), гдѣ какой то Егорекъ изъ всѣхъ невѣстъ выбралъ себѣ только дѣвку съ «руженной» родней

Ходитъ дѣвка хороша
Все Руженная родня (въ примѣч Руженная = оружейная).

Я Руженную родню
Я до страсти люблю,
За себя замужъ возьму,
Поцѣлую, обойму!

Эта черта невольно роднитъ Егорека съ воинственнымъ Егоріемъ Храбрымъ и не могла попасть сюда, при созвучіи именъ, безъ вліянія образа послѣдняго. Егорій же на бѣломъ конѣ въ повѣрьѣ у Даля и въ стихахъ роднится съ общеарійскимъ миѳическимъ существомъ. представителемъ солнца, на бѣломъ конѣ. Черты эти перенесены и на историческаго Егорія Во всѣхъ этихъ случаяхъ невозможно. по нашему мнѣнію, допускать вліяніе Греціи и Византіи оно совершенно другаго рода и меньшее. Эти факты бьютъ прямо славянской жизнью, греческій же элементъ не такъ великъ, чтобы можно было назвать стихи греко-славянскими, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть и другіе элементы, однако, благодаря имъ, нашимъ стихамъ не далось никакого особаго названія Многіе же стихи пріурочены исключительно къ фактамъ русской жизни. Замѣтимъ, что въ обрядовой поэзіи Егорій является, напр , «отмыкателемъ росы», «наступкомъ» и проч съ чисто русскими, частными чертами. См стихъ у Якушкина о Егоріи Храбромъ и вышеприведенные стихи.

по составу матерьяла, суть нѣчто среднее между искусственной и безыскусственной поэзіей; теперь мы видимъ, что и по составу мыслей они находятъ себѣ мѣсто между языческой литературой, какъ представительницей языческихъ идеаловъ, и литературой христіанской — носительницей идеаловъ христіанской культуры.

II.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію занимающихъ насъ Духовныхъ стиховъ и при разборѣ увидимъ яснѣе основныя черты ихъ Начнемъ со стиха о Егоріи. Фабулой его служитъ извѣстный историческій фактъ гоненія на христіанъ отъ императора Діоклитіана; это было послѣднимъ и самымъ жестокимъ гоненіемъ, жертвою котораго палъ и Св. Георгій, обезглавленный по приказанію императора послѣ долгихъ и тяжкихъ мученій Не говоря уже о томъ, что стихъ этотъ, какъ и другіе, не стѣсняется невѣрной передачей историческаго факта и даетъ обширную волю и видное мѣсто народной фантазіи, онъ еще допускаетъ совершенно вымышленную обстановку: Георгій по словамъ стиха, представляетъ богатыря, не уступающаго по своимъ подвигамъ богатырямъ былинъ; Георгій въ концѣ концовъ торжествуетъ и провозглашаетъ вѣру православную, тогда какъ, по исторіи, онъ обезглавленъ. Стихъ опредѣляетъ время событія; онъ начинаетъ разсказъ такъ: «Во седьмомъ году, во осьмой тысячѣ». Впрочемъ, не во всѣхъ варьянтахъ есть годъ, а въ иныхъ разница на одинъ или на нѣсколько лѣтъ. Есть даже варьянтъ, гдѣ дѣло происходитъ «въ шестомъ году седьмой тысячи» (Безсонов. Кал. Пер. т. I. № 99). Георгій представляется сыномъ Ѳеодора «Стратилатора» и Софіи премудрой; въ другихъ варьянтахъ отцомъ его служитъ Хведоръ Стрепелатый, Стритилатовъ и т. п. Егорій, по разнымъ варьянтамъ, живетъ то въ Іерусалимѣ, то въ Кіевѣ, то въ Черниговѣ, но гдѣ бы онъ ни

родился и ни жилъ, онъ вездѣ остается, по народному представленію, чисто русскимъ богатыремъ; слово его «могучее» и имѣетъ силу и значеніе для всей святорусской земли; лѣса растутъ тамъ, гдѣ Егорій имъ повелитъ; онъ повелѣваетъ горами, назначаетъ мѣсто для рѣкъ, размѣщаетъ волковъ, змѣй, птицъ, словомъ является творцемъ земли; сверхъ всего этого въ тоже время онъ находится на богатырскомъ конѣ, который имъ взятъ «Со двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ»

У Безсонова въ нѣкоторыхъ варьянтахъ говорится такъ:

«По Божьему все повелѣнію,
По Егорьеву все моленію,
Разрослись лѣса по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-Русской.

Вообще, Георгій — истинно вѣрующій христіанинъ, какимъ могло создать его народное представленіе, находясь уже подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, онъ съ помощью Бога преодолѣваетъ всѣ трудности, въ лицѣ Егорія народъ видѣлъ торжество христіанства и всемогущество распятаго Бога. Обстановка, среди которой геройствуетъ Егорій, крайне фантастична и ничего общаго не имѣетъ съ истиною историческою Здѣсь ясно видно, что народъ для усвоенія новыхъ христіанскихъ идей и мыслей долженъ былъ сначала свести ихъ на низкую ступень, доступную его наивному мировоззрѣнію и скудному развитію Имя императора — гонителя такъ перепуталось въ головѣ народа, что его и узнать нельзя: является Демьянище, Одемьянище, Дамианище, Дектіанище изъ Вавилонскаго царства, Диклитіанище изъ Китая, Кудріанище и даже Мартемьянище — все это замѣняетъ историческаго Діоклитіана.

Но важно не это, а то, что при такой спутанности именъ и фактовъ мы, все-таки, свободно видимъ взглядъ народа и на гонителя, и на представителя твердой вѣры, и на спасительность новой религіи, и на ея могущество. Намъ важны стихи для изученія на-

рода, содержательности его духовнаго міра и для критики его идеаловъ.

Егорій всюду ѣдетъ съ Евангеліемъ и съ молитвою, а гонителя народъ рисуетъ себѣ басурманомъ, животнымъ; часто выбираетъ для него самое отдаленное или малоизвѣстное мѣсто жительства. Чтобы добраться до него Егорій долженъ на пути встрѣтиться съ препятствіемъ всякаго рода; здѣсь есть: горы «толкучія», рѣки «текучія», волки «рыскучіе», змѣи «огненныя» и проч.—все это преодолѣвается Егоріемъ, благодаря его вѣрѣ въ Бога. Но гдѣ бы Егорій ни былъ, самую главную роль играетъ всегда Русь и православная вѣра: помощь ли нужна, она идетъ изъ «свѣтлорусской земли», молитва ли спасительная, она непремѣнно обращена къ Св. Троицѣ и Богородицѣ Для того, чтобы спасти Егорія изъ темнаго, глубокаго погреба въ 40 (60) сажень длиною и 20 (40) — глубиною, поднимаются вѣтры со Чернигова-града или отъ Кіева, или вообще отъ святой Руси. Въ одномъ варьянтѣ Егорій — сынъ какого то царя Анохрія и царицы Сохріи (Безсонов I. № 115). Онъ спасаетъ цѣлое царство Аравинское и Лизавету Прекрасную отъ змѣя, отъ котораго суждено было погибнуть всему царству. Это самый обыкновенный народный мотивъ миѳической старины, общій всѣмъ индоевропейскимъ народамъ: его мы видимъ у Славянъ, у Индійдевъ, и Германцевъ и т. д. Этотъ змѣй играетъ громадную роль въ представленіи народа вообще и въ особенности въ миѳологіи. Здѣсь мы только обратимъ вниманіе на книжную и христіанскую стороны духовныхъ стиховъ оставляя въ сторонѣ миѳологическіе вопросы, которыми наполнены наши народныя произведенія и въ частности стихи о Голубиной книгѣ и Егоріи Храбромъ Мы нашли полнѣйшую аналогію для объясненія миѳическихъ чертъ русскихъ произведеній народа въ произведеніяхъ почти всѣхъ націй индоевропейскихъ и путемъ сравнительнаго анализа убѣдились, что руководящая идея и въ представленіяхъ Ригъ-Вѣды, и Эдды, и Германскихъ сказокъ, и Гомериче-

скихъ поэмъ, и нашихъ сказокъ — одна и та-же. Доказательству этой мысли на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ сравнительнаго изученія памятниковъ разныхъ народовъ, посвященъ другой нашъ трудъ; задачей же этого труда была совершенно другая мысль — наносные, пришлые элементы и постороннее вліяніе въ народныхъ духовныхъ стихахъ. На этомъ основаніи, здѣсь, при вопросѣ о змѣѣ, мы можемъ между обильнымъ количествомъ мѣстъ въ литературѣ объ этомъ предметѣ отослать читателя, между прочимъ, къ статьѣ А. Веселовскаго: «Разысканія въ области Духовныхъ русскихъ стиховъ». Зап. Имп. Акад. Наукъ Томъ XXXVII кн. I. Здѣсь см. о легендѣ о св. Донатѣ и проч.

Итакъ, что касается до стиха о Егоріи, то легко видѣть, что христіанство построило его совершенно по своему вкусу, оставивъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ миѳическія черты, какъ напр , Егорій является по колѣна въ золотѣ и проч. Если мы при этомъ вспомнимъ, что многіе миѳическіе герои являются въ подобномъ видѣ, причемъ золото можетъ быть замѣнено чѣмъ-нибудь краснымъ и т п., какъ напр является Одиссей въ крови или Гекторъ въ пламени въ Одиссеѣ и Иліадѣ (Ilias XXII. 402 414. и др. мѣста), или напр. индійскій Рудра — въ золотѣ (Rigv. II. 224) въ Ригъ-Вѣдѣ, то увидимъ всю миѳичность Егорія, но это насъ теперь не касается. Достаточно ясенъ Егорій, какъ христіанинъ, изъ стиха, гдѣ онъ вѣчно съ Евангеліемъ и съ вѣрою, которую проповѣдовалъ Христосъ, говоря, что съ вѣрою можно повелѣвать и горами; это мы видимъ въ точности на Егоріи

Приведенный нами стихъ о Егоріи храбромъ долженъ насъ окончательно убѣдить въ томъ, что почти всѣ народныя воззрѣнія, его идеалы переходятъ въ его произведенія цѣликомъ, причемъ они или ослабляются и измѣняются, приходя въ столкновеніе съ литературой книжной, ея идеалами, уже христіанскими понятіями, или остаются наперекоръ всѣмъ противодѣйствующимъ силамъ и живутъ до послѣдняго времени, какъ мы ви-

димъ въ остаткахъ миѳическихъ, языческихъ преданій. Такова уже судьба всѣхъ идеаловъ народа, будутъ ли они произведеніями еще языческой эпохи, или болѣе поздней. Всякое явленіе, вся старина можетъ смѣниться чѣмъ нибудь новымъ только при достаточномъ основаніи и при уважительныхъ причинахъ съ точки зрѣнія самого народа: иногда онъ неспособенъ замѣнить старое новымъ, не понимая этого новаго (см между прочимъ предисловіе Буслаева къ Сборнику Якушкина въ Лѣт русск. лит. 1859 т. I).

Теперь перейдемъ къ книжнымъ источникамъ, изъ которыхъ могъ создаться стихъ о Егоріи. Само собой разумѣется, что канвой для стиха послужило житіе Георгія, которое могло быть почерпнуто изъ Четьихъ-Миней, но самое мученіе его нашло себѣ народную обработку въ апокрифѣ, который носитъ названіе «Георгіево мученіе» (Тихонравовъ. Пам. Отр. лит II. 108) и къ которому очень близокъ стихъ. Въ нѣкоторой связи съ этимъ апокрифомъ находится и апокрифъ «Никитино мученіе» изъ полууставнаго Торжественника XVI в., принадлежащаго Румянцевскому Музею, № 436, листъ 30, (Тихонравовъ. ibidem) Никитино мученіе совершенно подобно Георгіеву: даже царь при Никитѣ самъ называетъ себя братомъ Дадіана, говоря, что Никиту побуждаетъ терпѣть мученіе Георгій (стр 114); Никита тоже находится въ темницѣ и т д. Что же касается до чертъ, которыми снабжено описаніе этого царя-басурмана въ стихѣ о Егоріи храбромъ, то онѣ вытекаютъ сами собой изъ знакомства съ апокрифомъ «Георгіево мученіе», гдѣ читаемъ **пръсъ именемъ дадіа̑нъ** (стр 100); здѣсь имя также по народной наслышкѣ Далѣе, на стр. 105 читаемъ: **ѕмїи дадіа̑нъ,** слѣд., весьма естественно, что въ стихѣ этотъ царь обладаетъ всѣми качествами змія и описывается подобно Соловью-разбойнику, который былъ также своего рода змѣемъ [4]). Въ стихахъ о Егоріи

[4]) Во время набора этого листа намъ случилось прочесть

этотъ «царевище — басурманище» рисуется какимъ-то животнымъ и снабжается чертами чисто эпическими, завѣщанными потомству предками со временъ миѳическихъ преданій, т. е. въ «царевищѣ» нельзя не усматривать существо съ миѳическими чертами, нѣкогда присоединявшимися къ образу небеснаго явленія и ближе всего солнца, черты котораго носитъ на себѣ и Егорій Итакъ, въ стихахъ мы читаемъ: (у Безсонова. № 100. I.)

Злодѣй царевище Одемьянище
Выступилъ на крылечко на красное:
Тѣло на немъ, яко скора еловая,
Волоса на немъ, какъ ковыль-трава,
Гласомъ гласитъ по-звѣриному и т. д.

Если принять во вниманіе, что здѣсь данъ полный разгулъ фантазіи народа, который выработалъ себѣ уже извѣстную форму изображенія извѣстныхъ страшныхъ и поражающихъ явленій, то мы легко увидимъ, что здѣсь простая книжная основа, допущенная въ книги, въ свою очередь, не безъ вліянія народныхъ представленій, но пропущенная, какъ безвредная, христіанской цензурой, расписана обычными народными красками. Вотъ почему и самъ Егорій встрѣчается съ такими же чертами въ стихахъ, какъ и его врагъ: на немъ тоже еловая кора и т д., но только безъ эпитетовъ, присущихъ злодѣю. Въ № 102 читаемъ:

статью Всеволода Миллера въ Жур. Мин Нар. Просв. 1883 Январь—«Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ», гдѣ находится древнее миѳическое сказаніе о царѣ съ двумя черными змѣями на плечахъ, откуда произошло преданіе о царѣ-змѣѣ. Отдѣльныя изслѣдованія по этому вопросу мы не встрѣчали ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ Понятно, что такое всеобщее народное воззрѣніе на царя и змѣя какъ нельзя болѣе подтверждаетъ ту мысль, что первоначально подъ царемъ и змѣемъ народъ понималъ одно и то же, но съ различныхъ точекъ зрѣнія. Миѳологія даетъ прямое объясненіе этому факту въ жизни народныхъ представленій. Вотъ почему Діоклитіанъ=змѣй=дьяволъ. См. Караджичъ. С П. II 83.

И еще Егорій наѣзжаючи
На того царя бусурманища:
И тотъ царь бусурманище
И яко змѣй летитъ и т. д.

Въ № 104: А изъ тѣхъ палатъ бѣлыхъ каменныхъ
Выступалъ царище Демьянище;
Выходилъ къ Егорью по-звѣриному,
Онъ гласомъ гласитъ по-змѣиному... и т. д

Въ № 105: Увидѣлъ его царище Демьянище (т. е. увидѣлъ Егорія).
Безбожный пёсъ бусурманище:
Выходилъ онъ изъ палаты бѣлокаменной;
Кричитъ онъ по-звѣриному,
Визжитъ онъ по-змѣиному... и т. д.

Эти мѣста мы выбрали на-удачу, но такихъ мѣстъ очень много и почти въ каждомъ стихѣ. Что касается до эпитета «песъ» при царѣ, то это тоже сближаетъ послѣдняго съ животными и первоначально весьма легко могло быть названіемъ какого-нибудь небеснаго явленія; мы знаемъ, что до сихъ поръ существуетъ созвѣздіе — песъ Оріона, а съ другой стороны положительно извѣстно олицетвореніе небесныхъ свѣтилъ въ видѣ волка: «сѣрый волкъ на небѣ звѣзды ловитъ» или «пришелъ волкъ — весь народъ умолкъ» и проч. Этотъ-же эпитетъ мы находимъ и въ сборникѣ Якушкина № XV — стихъ про Егорья, а въ № XVI и Егорій является съ подобными чертами, съ ковылью-травой на головѣ. Весьма интересное мѣсто въ стихѣ, гдѣ говорится о горахъ «толкучихъ», истинное значеніе которыхъ мы дадимъ впослѣдствіи, а теперь скажемъ только, что онѣ невольно напоминаютъ Гомеровскія πλαγκταὶ (Odyss XII.) и тѣмъ сближаютъ съ духовными стихами, какъ русскимъ народнымъ произведеніемъ, поэзію Гомера, причемъ надо замѣтить, что, кажется, у другихъ народовъ не встрѣчается такого рѣзкаго описанія и представленія о блуждающихъ горахъ, кромѣ какъ у Грековъ и вотъ здѣсь у насъ. Если это такъ, то точка сближенія интересная и вмѣстѣ съ тѣмъ подозритель-

ная; что это дѣйствительно миѳическія горы, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, но есть ли это арійское воззрѣніе вообще или заимствовано русскимъ народомъ, какъ чуждое... Во всякомъ случаѣ, замѣчательное сходство въ описаніи; ср., напр., у Безсонова № 104 — ст. 140 — 145 и въ др мѣстахъ съ описаніемъ у Гомера. Въ стихѣ о Егоріи всѣ препятствія, встрѣчаемыя имъ, совершенно миѳичны — это отголосокъ старины, но по всѣмъ стихамъ проходитъ золотая нить христіанскихъ идей, и всѣ «заставы мпнуются» передъ Егоріемъ, благодаря вѣрѣ въ Бога Что касается Егорія въ другой сферѣ, какъ спасителя цѣлаго царства отъ змѣя, то въ этихъ стихахъ еще болѣе миѳическихъ чертъ Змѣй, нападающій на страну, — обыкновенный мотивъ, который знакомъ намъ изъ литературы всѣхъ народовъ (см. напр замѣчательный сборникъ изслѣдованій и замѣтокъ — Liebrecht. Zur Volkskunde Статьи: Ragnar, Lodbrokssage. Verstellte Narr. Grimm. Deutsche Mythologie I. 294 858. II. Аѳанасьевъ Поэт. воззр 395—397. и масса другихъ изслѣдованій; также статью Алкдр Веселовскаго въ Журн Мин Нар. Просв. 1882. № 9, въ отдѣлѣ критики, по поводу журнала Питрэ — Archivio per lo studio delle tradizione popolari, о змѣѣ Ciarau1u.). Затѣмъ жребій падаетъ на царя, который долженъ быть съѣденъ змѣемъ; это опять вполнѣ согласно съ народнымъ представленіемъ, что царь является лицомъ отвѣтственнымъ и виновнымъ за народное бѣдствіе; этотъ мотивъ — общій опять многимъ народамъ (см. Liebrecht Mausethurm, гдѣ собраны различные случаи) и даже намъ: вспомнимъ выраженіе былины «царемъ служить».

Точно также по обычному представленію, значеніе котораго у насъ разсматривается особо, къ змѣю попадаетъ не царь, а его дочь — дѣвица; сравнимъ это со слѣдующими данными: во 1-хъ) борьба со змѣемъ героевъ; во 2-хъ) женщина у змѣя. Первое уже мы видѣли, причемъ дополнимъ стихомъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ, сказкой о Ерусланѣ (Пам. стар. лит. Пыпина, II вып. 330

и сл.) и многими сказками изъ сборника Аѳанасьева, напр. о Еленѣ Премудрой — № 130; (превращеніе въ змѣя — см Караджичъ Срп нар. пјесме. II. №№ 12. 13. и проч) Второе-же есть явленіе весьма важное въ миѳологическомъ отношеніи, хотя его пытаются объяснить воспоминаніемъ о змѣѣ — искусителѣ; но весь вопросъ въ томъ, само преданіе о змѣѣ — искусителѣ, почему оно явилось, именно, въ этой формѣ и почему, именно, явилось это преданіе: весьма легко можно было обойтись безъ него или съ нимъ, но въ совершенно другой формѣ. Этотъ вопросъ рѣшается миѳологическими соображеніями; дѣло въ томъ, что само это преданіе обязано своимъ появленіемъ на свѣтъ и своей живучестью миѳическимъ народнымъ воззрѣніямъ.

Посмотримъ теперь, насколько распространенъ этотъ мотивъ, хотя бы въ одной русской литературѣ: Добрыня Никитичъ борется со змѣемъ, у котораго въ плѣну Запава Путятишна или же Марья Дивовна; мать Ѳеодора Тирона, по стиху, (Безсонов. № 121) унесена змѣемъ Горынищемъ, ее сосутъ змѣеныши.

Повела поить (коня Ѳеодора) на сине море.
Не дошедши она до синя моря,
Налеталъ змѣище Горынище:
Онъ и взялъ ее поперекъ спины,
Поперекъ спины за шелковъ поясъ;
Онъ понесъ ее за сине море,
За тѣ горы высокія,
За тѣ лѣса темные,
Во тѣ пещоры глубокія;
Онъ посадилъ во пещерище,
Онъ и далъ сосать двоимъ юношамъ,
Двоимъ юношамъ, двоимъ змѣятушкамъ.

Вездѣ змѣй живетъ въ горѣ и называется «горынище» или «пещерскій» (см. напр. Якушкина № XVIII) Въ большинствѣ случаевъ змѣй около воды, которую онъ стережетъ, что мы видимъ и въ Голубиной книгѣ.

Въ апокрифѣ объ Адамѣ изъ сборника Тихонравова (Пам. отр. лит.) подъ заглавіемъ «Рожденіе Каина

и рукописаніе Адамле» — раскольничья рукопись новаго письма—прямо говорится: «Праотецъ нашъ Каинъ сквернавъ родился, глава на немъ, яко и на протчихъ человѣцехъ, на персѣхъ и на челѣ двнадесѣть главъ змiиныхъ, еже егда же Евва сосцы своими питаше, тогда змiевы главы чрево ея терзающе, а отъ того терзанія и лютаго мученія прабаба наша Евва окрастовила». (У Тихонравова этотъ апокрифъ взятъ изъ полуставнаго сборника конца XVII вѣка, принадлежавшаго Ундольскому, № 637). Не ясно-ли теперь, что преданіе народное, которое жило и впитало въ себя всѣ сюжеты, представленные любымъ явленіемъ природы, перенесло и на библейскую исторію тоже свои любимые пріемы, что̀ очень затемнило историческую сторону и потому даетъ право относить многое на счетъ вымысла и преданія народнаго Подобныя черты точно сохранились и въ стихѣ о Егоріи. Алеша Поповичъ также борется съ Тугариномъ Змѣевичемъ, а Михайло Потыкъ Ивановичъ борется въ подземельѣ со змѣемъ изъ-за своей жены, къ которой подползъ змѣй. Если же мы заглянемъ въ другія литературы, то нашему вниманію тотчасъ представится и Геркулесъ, и Персей, и Зигурдъ, и Зигфридъ (впослѣдствіи) Фрейръ, Фафниръ, Лемминкайкенъ и др Такимъ образомъ, съ этой стороны народная подкладка обезпечена. Замѣтимъ еще, что змѣй и тутъ выходитъ изъ воды, а въ стихѣ о Егоріи и сестры его съ травой на головѣ, что ихъ сближаетъ во всякомъ случаѣ съ миѳическими существами; итакъ, народъ очень послѣдователенъ при изображеніи миѳическихъ существъ, благодаря чему, можно всегда понять, что̀ народъ представлялъ себѣ въ извѣстномъ образѣ и сглаживаетъ возможныя противорѣчія самостоятельной комбинировкой представленій

Мы разобрали наиболѣе интересныя мѣста стиха о Егоріи, указали его книжный и народный элементы, оставляя въ сторонѣ объясненіе миѳическихъ данныхъ; такимъ образомъ, изъ представленнаго разбора наслоній и чертъ Егорія, съ одной стороны, по содержанію

обрядовыхъ пѣсенъ и пословицъ о Егоріи, съ другой, по духовному стиху о немъ можно составить себѣ понятіе о томъ, что у народа соединялось съ именемъ св. Егорія и принадлежитъ-ли это, дѣйствительно, ему, и чѣмъ онъ былъ въ представленіи народа.

Теперь перейдемъ къ стиху о Голубиной книгѣ.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о самомъ названіи стиха; эпитетъ книги «голубиная» имѣлъ много объясненій (см. напр. Порфирьева О ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ); проще всего принять это слово за синонимъ съ словомъ «глубинная» — глубина, по содержанію самой книги; но это вопросъ спорный, поэтому, оставляя его въ сторонѣ, обратимся къ указанію книжныхъ источниковъ этого стиха, затѣмъ перейдемъ къ его народнымъ элементамъ, устнымъ У насъ есть апокрифъ: «Повѣсть града Іерусалима» — Бесѣда Іерусалимская (Пыпинъ Памят стар лит. II. стр 307—308). Интересно его начало, которое вкратцѣ передастъ предметъ стиха о Голубиной книгѣ:

«Бесѣда царя Давида Иессеевича съ царемъ Волотомъ Волотовичемъ на Синайстей горѣ, посторонь града Иерусалима, у дуба маврейскаго, у креста лифанидова, у главы Адамовы»... Далѣе, идетъ самый разсказъ о собраніи царей (42 царя) «Въ великую было субботу»... и т. д. Апокрифъ начинается разсказомъ сна Волота; сонъ разгадывается Давидомъ въ смыслѣ предстоящаго брака Соломона на дочери Волота. Далѣе, сходства между этимъ апокрифомъ и стихомъ такъ много, что его можно принять праобразомъ стиха о Голубиной книгѣ: тѣ-же вопросы и отвѣты; разница только въ началѣ, въ передачѣ сна, причемъ апокрифъ начинаетъ сномъ и несомнѣнно принадлежитъ поэтому очень давнему времени, но стихъ о Голубиной книгѣ имѣлъ не одинъ этотъ апокрифическій источникъ: у насъ есть еще народныя сказанія о свиткѣ Іерусалимскомъ и снѣ Пресвятой Богородицы (Безсонов. II. №№ 564—571 и №№ 605—631), которыя во многомъ представляютъ тождество со стихомъ о Голубиной кни-

гѣ. Во всѣхъ сказаніяхъ упоминается то свитокъ, то листъ, упавшій съ неба; къ нему съѣзжаются цари и узнаютъ сокровенное; говорится, что этотъ свитокъ Богомъ написанъ (№ 565), какъ въ стихѣ, а въ № 569 объ этомъ событіи говорится очень схоже съ Бесѣдой Іерусалимской: «На горѣ Синайстѣй бысть предивное чудо, предъ образомъ Архистратига Михаила; спалъ съ небеси камень малъ и вельми студенъ, а тяготы въ немъ никто знать не можетъ; и была тьма велика по всей земли; съѣжжались митрополиты, архіепископы, и епископы, и весь священническій чинъ, и было молебствіе три дня и три нощи, и на четвертый день распадеся тотъ камень на-двое, и обрѣтеся сей Листъ, написанъ золотыми литерами самимъ Богомъ» и т д.

Въ сказаніяхъ о снѣ Богородицы мы имѣемъ мѣста о кипарисѣ, а въ № 617 даже:

Повели моего свѣта
Ко злобному мѣсту,
Ко древу, ко певу,
Ко древу, ко кедру,
Ко древу кипарису, и проч.

Въ № 622: «И распята Тебе, Господа Моего Іисуса Христа на древѣ кипарисѣ, на кедрѣ и каигвы».... О Листѣ же въ № 623 говорится: «Всякъ не могъ его доткнутися, той же бо на воздусѣ силою Божіею держенъ. А кто хощетъ списывать, самъ ему откроется. А былъ тотъ Листъ золотомъ писанъ, Божія слова». Все это взаимныя варьяціи со стихомъ о Голубиной книгѣ; причемъ старина на сторонѣ книжныхъ сказаній Но есть еще мѣста въ стихѣ, которыя несомнѣнно взяты изъ другихъ апокрифовъ.

Мы имѣемъ такіе апокрифы, какъ «Бесѣда трехъ святителей», изъ полууставной рукописи XV в. Моск. Сѵнод. Библ. № 682 (Тихоправовъ. Пам. Отреч. лит. II т.) и «Вопросы, отъ сколькихъ частей созданъ бысть Адамъ», которые прямо намъ говорятъ объ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ. Здѣсь мы читаемъ: (Изъ Цвѣтника 1665 г. Моск. Синод Библ. № 908. Тихоправ-

вовъ. ibid.) «Григорій рече: отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ бысть? Отъ осми частей: (Интересно здѣсь можетъ быть сравненіе съ ученіемъ Аристотеля): первое взято отъ земли тѣло, второе отъ камени — кости, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—духъ, отъ огня—теплота, душу Господь вдохну».

Далѣе, изъ полууст. Измарагда XVI в. Троицк. Сергіев. Лавры № 794. (Тихонравовъ II. стр. 445.) читаемъ: **и уестн. а̀ уѐ тело є̀го ѿ земле в̀ уѐ ѿ море г̀ уѐ ѿ камена д̀ уѐ ѿ вѣтра є̀ уѐ ѿ обла̀ ѕ̀ уѐ ѿ слнца и ѿ росн ꙁ̀ уѐ ѿ помысла ѿ брьꙁостн аггльскы̑ ѝ уѐ ѿ стго дха.**

Въ стихѣ-же «Свитокъ Іерусалимскій» (Безсоновъ, II № 564) читаемъ:

Первая часть, кости, — отъ камени;
Вторая часть, тѣло, — отъ земли;
Третья часть, руда, — отъ чернаго моря;
Четвертая часть, дыханіе. — отъ вѣтру,
Пятая часть, мысли, — отъ облыцевъ...
Очи отъ солнца, разумъ отъ Святаго Духа.

Въ стихѣ о Голубиной книгѣ (Безсон., I, № 86 и др.):

У насъ умъ-разумъ Самого Христа,
Самого Христа, царя небеснаго;
Наши помыслы отъ облацъ отъ небесныхъ;
Міръ-народъ Божій отъ Адамія,
Кости крѣпкія отъ каменя,
Тѣлеса наши отъ сырой земли,
Кровь-руда наша отъ черна моря.

Такимъ образомъ, человѣкъ=микрокосмъ. Посмотримъ еще свидѣтельства памятниковъ: въ Астрологіи (Тихонравовъ II. 405.) читаемъ: **съставленъ-же бысть и малын мнръ. снрѣ̑ улкъ. ѿ четыре стоухнн** (**Галиново на упократа**). Въ Луцидаріусѣ-же (Тихонравовъ. Лѣт. русск лит. т I. отд II стр. 45 46.) читаемъ: **по под ꙁемелью ндвтъ жилы̀ ѩже именѣется траконе. внн̀ же влкаются водъı. и ѿ того быкаетъ ꙁемля̀ волгла.**

Оуучнкъ вопросн. Ѿкудв прнходя̀т нстоучнцы. Оуучтль рече. Єгда водъı нꙁмора текут̀ подꙁемлю вжылы. и єгда

жилы конець во^{з}му^{т} тогда прора^{з}тсѧ вода на верхъ ꙁемли. Далѣе, на стр. 54 читаемъ:

Ꙁемлѧ сотворена ꙗко чл҃к. ва́менїе ꙗко тѣ́ло и҆́мать, вмѣ́сто косте́й коре́нїе и҆́мать. вмѣ́сто жилъ древеса и травы (выше были—рѣки) **вмѣстѡ власо́въ былїе.** (Ср. русалокъ, вилъ съ зелеными волосами и то, что̀ сказано о Егоріи и его сестрахъ выше). Далѣе, на стр 55 опять говорится про жилы. Слѣд., человѣкъ сотворенъ какъ земля (см. выше), а земля какъ человѣкъ.

Что касается представленія о помыслахъ, какъ взятыхъ отъ облаковъ, то это также находится въ апокрифахъ. Въ Завѣтахъ 12 патріарховъ (Завѣтъ Левгинъ. Тихонр Пам. отр. лит. I 110) читаемъ: **и разумъ гн҃ь пролѣѥтсѧ на ꙁемли акы вода морьскаꙗ** [5]) Индійское преданіе о происхожденіи человѣка отъ Брамы или Германское отъ Ману немногимъ отлитаются Такимъ образомъ, это вопросъ о происхожденіи человѣка; вопросъ-же о происхожденіи міра весь исполненъ самыми богатыми миѳическими чертами и можетъ составить обширное изслѣдованіе самостоятельно, поэтому теперь скажемъ только вкратцѣ, что космогонія Голубиной книги также извѣстна апокрифамъ, оставляя въ сторонѣ элементъ миѳическій, безъискусственный.

«Частыя звѣзды зачались отъ ризъ Божіихъ» по стиху: это извѣстное преданіе еще миѳической старины о небѣ, какъ о ризѣ, отразившееся прекрасно въ пословицѣ, гдѣ небо названо рогожкой. Что касается глазъ Божіихъ — солнца, то, проведя это представленіе по всѣмъ народамъ индоевропейской отрасли, мы прекрасно поймемъ причину такого сближенія; впрочемъ стихъ о Голубиной книгѣ внесъ въ себя черты христіанства, которое всюду проглядываетъ въ немъ Однако вопросъ объ Океанѣ, общій и Грекамъ и другимъ на-

---

[5]) Изъ представленія облаковъ, которое мы видимъ въ Индіи, Скандинавіи, Греціи, мозгомъ вытекла возможность созданія такого миѳа, какъ напр. объ Атласѣ, голова котораго была на небесахъ. Ср въ Голубиной кн. и въ апокрифахъ.

родамъ, (см. напр. Herod. IV. cap. 5, или Homer. Odys.) встрѣчается и въ нашихъ апокрифахъ· въ томъ-же Луцидаріусѣ (Тихонр Лѣт р. лит I.[II] 45) и, напр , въ апокрифѣ «хожденіе Апостола Павла по мукамъ», (Тихонр. Пам. Отреч литер I. 50 и сл.), гдѣ онъ, обратившись на западъ, увидѣлъ: **ꙁачало нб҃ное ѡснована на вєлицѣ рѣцѣ воды. и въспроснхъ и гл҃а. ѵто є рѣка сн воднаѧ, и рєѵє мнсє єсть. окнонъ обходан всєлєнѵю.**

Кита-же мы имѣемъ еще въ Гезіодовой Θеогоніи [6]). Въ № 87 у Безсонова, въ стихѣ о Голубиной книгѣ, читаемъ:

Почему нашъ Іерусалимъ городъ городамъ отецъ?
Во тѣмъ во градѣ во Іерусалимѣ
Тутъ у насъ пупъ землѣ.

А въ апокрифѣ у Тихонравова, Бесѣда трехъ святителей, имѣемъ слѣдующее мѣсто: «Вопросъ Который градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ? Отвѣтъ Ерусалимъ градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ, въ немже пупъ земли и церковь Святая Святыхъ и Господень гробъ». Очевидно подъ вліяніемъ христіанства Грекъ считалъ центромъ земли свою Грецію.

Спѣшимъ перейти къ интересному вопросу о небесной книгѣ. Въ рѣдкомъ апокрифѣ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ не упоминается такая книга, въ которой, будто-бы, записаны всѣ грѣхи, которая имѣетъ чудесный характеръ и подходитъ подъ описаніе стиха о Голубиной книгѣ. Отчасти мы это уже видѣли выше. Вотъ еще рядъ указаній, откуда могло быть заимствованіе: въ апокрифѣ объ Энохѣ; смерть Авраама, Завѣты 12 патріарховъ (почти во всѣхъ завѣтахъ), Исповѣданіе Еввы, Варѳоломѣевы вопросы Богородицѣ (**ї воздвигоша ꙁємлю. акн свнтокъ**), Преніе Господне съ діаволомъ, (II 285) «Сольются небеса, аки свитокъ» Епистолія о недѣлѣ (II. 319. 320), гдѣ сказано: **ꙗко нѣ напнсана єпнстолиа сн ѡ ѵлкъ. нн створена смышленіємъ ѵлкѣѵескы**

[6]) Theogonia Hesiodi v. 333 и сл.

но написана є҆ ѿ невидѣмаго ѿца... (стр. 319.) .. **ѡ горе тому чл҃коу иже вѣры не имѣть ст҃мъ книгамъ.** (стр. 320). То-же самое, о свиткѣ, въ апокрифѣ о 12 пятницахъ (II. 324.) — «Втораянадесять пятница предъ днемъ Срѣтенія Господня; кто ту пятницу чтитъ, и того человѣка имя написано будетъ у самого Господа въ книгахъ животныхъ». Въ апокрифѣ «Семьдесятъ именъ Богу» имѣемъ замѣчательное мѣсто: во 1-хъ) сама Богородица называется «свиткомъ» и «книгою», во 2 хъ) на стр. 342 (Тихонр Пам Отр лит.) читаемъ: **и се рꙋка прострата комнѣ и внеи свито книже и бѣ внемъ написано прѣднаа и ꙁаднаа.** (Ср. Свитокъ Іерусалимскій). **Книга и бꙋдеть по гл҃ѣ сии гл҃егь гь. ꙗво словеса книгы сеє ꙁапечатлѣнныє. емꙋже аще дадется чл҃кꙋ вѣдꙋщꙋ писанна глюще проути сию и речеть не могꙋ прочести ꙁапечатлѣнна бо є҆ книга.** (Ср. въ Апокалипсисѣ IV гл и въ стихѣ о Голубиной книгѣ) Еще одно мѣсто мы находимъ въ (лживой) молитвѣ ап. Павла — «Молитва апостола Павла, аще змія усѣкнеть человѣка или скотину». (Тихонравовъ. Пом. Отр. Лит. II. 354). «И явися во снѣ Архангелъ Михаилъ и возгласи мя, глаголя: Павле, рабе Господень! возстани и пріими книгу сію и обрящеши въ ней воображеніе написано не о единомъ страждущемъ, но о многихъ». Такимъ образомъ, и книга заговоровъ, по представленію народа, тоже дана съ небеси; это показываетъ, какое обширное распространеніе имѣло въ древности представленіе о книгѣ: на нее смотрѣли, какъ на что-то священное, вѣрили въ какую-то таинственную міровую книгу, въ которую народная фантазія внесла все, что̀ ей было когда либо дорого: и правила житейской мудрости, и заговоры знахарей — этихъ представителей на землѣ вѣщей силы, и проч. Вотъ такая книга падаетъ съ неба во время грозы и бури и въ стихѣ о Голубиной книгѣ. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе на то, что даже въ сказкахъ попадается народное представленіе о какой-то книгѣ, наполненной мудростью и таинственными предметами, какъ напр., въ сказкѣ о Еленѣ Премудрой (Аѳан.

Сборникъ сказокъ, № 130), которая имѣетъ такую книгу, то намъ станетъ ясно, что это представленіе ведетъ свое начало съ очень давнихъ временъ и служитъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ отголоскомъ очень стараго народнаго преданія. Понятно, что и заговоры должны были въ миѳическую старину итти отъ воображаемаго бога; вѣра въ олицетворяемую природу и въ себя самого, какъ образъ Божій, была очень сильна: человѣкъ бога не зналъ, значитъ, онъ долженъ былъ полагать его въ окружающемъ мірѣ, отсюда божественный голосъ человѣка, отсюда знахари, колдуны и проч.; ихъ устами гласитъ богъ, значитъ, то, что они говорили, было отъ бога Вотъ естественное объясненіе вѣры въ подобныя книги и изреченія Для удобства сравненія приведемъ мѣсто о книгѣ изъ стиха, напр. изъ № 87, (Безсоновъ. Кал Пер. I)

Кабы съ той стороны со восточной,
Съ другой стороны съ полуденной,
Воздивьяло чудо не малое:
Восходила туча сильна грозная,
Изъ той, изъ тучи, изъ сильной грозной
Выходила книга Голубиная,
Божественная книга, Евангельская;
Ко той ко книгѣ, ко Божественной
Сходились, собиралися
Сорокъ царевъ все царевичей,
Сорокъ князьевъ все князевичей
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкихъ,
Христіанъ православныихъ.
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто къ Божьей не пришатнется.
Приходилъ къ книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давидъ Евсеевичъ
До Божьей до книги онъ доступается,
Передъ нимъ книга разгибается,
Все Божественное писаніе ему объявляется...

Отстранивъ отсюда всѣ черты христіанства, мы получимъ какъ разъ то, что̀ цитировали изъ другихъ апокрифическихъ памятниковъ; дословное повтореніе свидѣтельствъ выше приведенныхъ показываетъ несомнѣнное заимствованіе. Не рѣшая весьма важнаго вопроса о значеніи книги со стороны миѳологіи, на что̀ выше были даны только нѣкоторые намеки, какъ напр., «Совьются небеса, аки свитокъ» (Прѣніе Господне съ діаволомъ), т. к. этотъ вопросъ — предметъ совершенно отдѣльнаго изслѣдованія, скажемъ только, что Давидъ Евсеевичъ Голубиной книги вполнѣ тождественъ съ младшимъ братомъ всѣхъ сказокъ, гдѣ мы видимъ постоянныя удачи этого брата—дурачка, оказывающагося всегда самымъ умнымъ, а самая книга находитъ себѣ полную аналогію въ различныхъ миѳическихъ предметахъ сказокъ, какъ напр., въ живой водѣ, въ жаръ-птицѣ и другихъ диковинкахъ Для полнаго убѣжденія въ этомъ сравнимъ разсказъ Голубиной книги съ разсказомъ Геродота (Herodot IV cap. 4, 5) объ упавшихъ съ неба огненныхъ предметахъ, къ которымъ никто не могъ подступиться, за исключеніемъ младшаго сына Таргитая Колаксая [7]).

Что касается другихъ вопросовъ Голубиной книги: о древѣ крестномъ, животномъ индрикѣ — единорогѣ и проч., то они всѣ находятся также въ книжныхъ источникахъ, въ кодексахъ народныхъ воззрѣній.

Такъ напр , о древѣ крестномъ мы находимъ въ апокрифѣ того-же названія (Тихонравовъ. Пам отр лит I 305 и сл)

Объ Инорогѣ мы находимъ указаніе: **Та́мо**....

[7]) Ср. описаніе событія паденія книги въ стихѣ у Геродота съ описаніемъ въ Іерусалимской Бесѣдѣ, Свиткѣ и Снѣ Богородицы у Безсонова. Вмѣсто книги иногда является камень самоцвѣтъ или же грамота съ золотыми литерами, что вполнѣ соотвѣтствуетъ горящимъ предметамъ у Геродота См. также въ сказаніи о Девгеніи — Очеркъ литер. ист. повѣстей — Пыпина. 324—330.

и животно нѣкое нарицаемо моносеръ (конечно, μονο-χερας) **сирѣчь инорогъ.. единрогъ, иже есть четыре тупенеи ножны длиною и есть свѣтелъ ꙗкѡ карбунъку камень, и сѣчет аки мечь.** (Тихонравов. Лѣт. русск. лит. Луцидаріусъ I, П. 49). Представленіе Греціи, но не чуждое другимъ народамъ, о чемъ скажемъ впослѣдствіи, такъ какъ вопросъ чисто миѳологическій.

Остальное въ стихѣ отчасти принадлежитъ эпохѣ послѣ введенія христіанства, которое оставило на немъ свой громадный слѣдъ, отчасти сохранилось народное творчество языческаго времени. Вотъ вопросы наиболѣе интересные, на которыхъ мы считали необходимымъ остановиться. Итакъ, мы видимъ, что духовные стихи—богатѣйшая сокровищница для постановки вопроса о народной культурѣ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Скажемъ теперь словами самого же народа, какъ онъ думалъ о томъ, кто были носителями этихъ духовныхъ сокровищъ. Разносили ихъ калѣки перехожіе — эти народные пѣвцы, своего рода барды. Понятно, что эти калѣки — явленіе русской жизни, но вѣдь въ стихахъ не все русское, калѣки на Руси могли появиться только, какъ преемники болѣе раннихъ калѣкъ и калѣкъ нерусскихъ, т. е. калѣкъ тѣхъ земель, гдѣ прежде всего были затронуты идеи язычества проповѣдью новой религіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что народъ сталъ подавать о себѣ вѣсть и, именно вѣсть жалобнаго характера, какой мы видимъ, большею частью, въ духовныхъ стихахъ, съ того времени, когда онъ почувствовалъ, что онъ оставленъ, что у него нѣтъ руководителя осязаемаго, что онъ можетъ сбиться съ пути; вотъ почему мы имѣемъ право думать, что духовные стихи получили свое начало въ самомъ небольшомъ кружкѣ людей приближенныхъ къ Христу; это былъ своего рода Сократъ, около котораго группировалась школа, носившая въ себѣ самые здоровы элементы современной эпохи, и перенесшая всѣ традиціонные взгляды свои, всѣ языческія черты на своего Учителя, когда Онъ отошелъ отъ нихъ; конечно, это перенесеніе чертъ вы-

работалось со временемъ и не въ одномъ маленькомъ кружкѣ, но въ цѣлой массѣ, для которой Христосъ явился естественнымъ замѣстителемъ языческихъ боговъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ коренныя воззрѣнія могли быть измѣнены только путемъ продолжительной и дѣйствительной культуры. Самъ народъ ведетъ начало калѣкъ съ очень давняго времени, но тѣхъ калѣкъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ духовными стихами: это какіе-то богатыри, титаны въ родѣ Ильи Муромца, который самъ былъ калѣкой.

Калѣки-же духовныхъ стиховъ ведутъ свое начало непремѣнно съ Вознесенія Христа Объ этомъ говоритъ и народъ:

Безсоновъ № 1.

Какъ вознесся Христосъ на небеса,
Расплакалась нищая братія.
Расплакались бѣдные — убогіе, слѣпые и хромые. .

Безсоновъ № 2.

«Послѣ Христова Воскресенья,
На шестой было недѣлѣ,
Былъ праздникъ Вознесенья:
Вознесется Христосъ-Богъ на небеса,
Расплачется нищая братія:
— Куда-же Ты Христосъ-Богъ, полетаешь?
— Куда Ты насъ оставляешь?» ..

Варенцовъ, стр 59.

Середи было теплаго лѣта,
На канунѣ Вознесенія Христова,
Расплакалась нищая братія:
Гой еси Христосъ, Царь небесный,
На кого ты насъ оставляешь?
На кого ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить—кормить станетъ,
Одѣвать станетъ, обувать,
Отъ темныя ночи охранять?»...

Заступникомъ является, конечно, Апостолъ христіан-

ской любви Іоаннъ Богословъ Уже изъ этихъ стиховъ видно, что народная фантазія такъ чутка, такъ воспріимчива, даровита и богата, что при самомъ даже скудномъ матеріалѣ способна разыграться и вылиться въ поэтическихъ формахъ и образахъ Дѣйствительно, христіанство, какъ міръ новыхъ идей во всемъ его объемѣ, а не отдѣльнымъ случаемъ, послужило громаднымъ матерьяломъ для духовной жизни народа. По видимому, народъ зналъ уже личность Христа и Іоанна, могъ соединять съ тѣмъ и другимъ что-либо особое, свойственное каждому изъ нихъ порознь.

Народъ въ своихъ произведеніяхъ крайне послѣдователенъ: проникнувшись христіанскими началами и воззрѣніями, т. е не припявши его только наружнымъ образомъ, сталъ уже создавать и поэтическіе образы въ духѣ христіанства. Если слѣдовать мнѣнію Варенцова относительно времени появленія калѣкъ и вліянія въ первое время христіанства, то непонятно, кому принадлежатъ стихи о Вознесеніи и какой эпохѣ. Мы думаемъ, что если ихъ относить ко времени Вознесенія Христа, то вопросъ становится совершенно яснымъ: въ томъ маленькомъ кружкѣ, который находился вблизи Христа, могло быть и вѣрное пониманіе новой религіи, слѣдовательно, могло быть и выражено это пониманіе въ такихъ стихахъ, какъ о Вознесеніи. Мы думаемъ, что эти стихи не принадлежатъ намъ, но прямо взяты у чужаго народа, какъ взято многое; достаточно было познакомиться съ мыслію этихъ стиховъ путемъ сношенія въ другихъ странахъ, гдѣ они уже давно распѣвались, чтобы перенести ихъ на русскую почву, какъ перенесено многое Іоанномъ экзархомъ болгарскимъ и массою другихъ, и тѣмъ болѣе, что въ этихъ стихахъ не упоминается про русскихъ калѣкъ, какихъ мы видимъ въ другихъ стихахъ. Мы собственно стоимъ за происхожденіе мысли этихъ стиховъ и относимъ ее съ увѣренностью къ I вѣку по Р. Х. Для того, чтобы такъ рѣзко и прочувствованно выразить свои мысли объ одиночествѣ, надо было не только вычитать подобныя

мысли, — да и негдѣ ихъ было вычитать: въ то время (XI—XII в. по Варенцову) философскаго элемента нельзя было искать въ сочиненіяхъ, знакомыхъ русскимъ людямъ, — но и самому прочувствовать что-нибудь подобное. По стиху, бѣдный народъ сейчасъ-же по вознесеніи Христа чувствуетъ себя одинокимъ сиротой, чувствуетъ, что, съ удаленіемъ отъ Него его Успокоителя, его христіанскаго Бога, онъ способенъ плакать, слѣдовательно, онъ уже сознаетъ, почему и для чего нуженъ христіанскій Богъ и что Онъ можетъ дать. Замѣчательно, что расплакалась именно нищая братія, которая всегда живетъ болѣе въ Богѣ, чѣмъ знатные. Но нищая братія имѣетъ защитника въ лицѣ апостола любви. Народу ясно представилось свое состояніе, въ которое онъ придетъ, когда лишится нравственнаго успокоенія въ Богѣ видимомъ, а до вѣры въ невидимое, какъ бы въ видимое, онъ еще не дошелъ. Понятно, что получить успокоеніе отъ одного имени Христа или Его Слова, о чемъ ходатайствуетъ, по стиху, Іоаннъ, могъ только тотъ, кто уже понялъ суть христіанской религіи. Но, вѣдь, этотъ стихъ пѣлся народомъ, слѣд., и народъ могъ вмѣстить такую черту христіанства, что показываетъ его пониманіе религіи и чего нельзя ожидать отъ русскихъ какого-нибудь XI и позднѣйшихъ вѣковъ, такъ какъ они были слишкомъ удалены отъ событій, современныхъ жизни Христа, и не могли такъ сильно возбуждаться; среди русскихъ людей подобныхъ могло быть очень немного, и такіе стихи, слѣдовательно, не могли стать достояніемъ цѣлаго народа Положимъ, что Христосъ Евангенія есть защитникъ бѣдныхъ и сирыхъ въ частности, но въ стихѣ-то невидно никакой книжности: онъ простъ и крайне тепелъ по чувству, тепелъ чувствомъ живымъ, какое могло передаться по наслышкѣ отъ людей самихъ испытавшихъ горе, а не вычитавшихъ изъ книги о немъ.

Что касается внѣшней стороны стиха, то она, безъ всякаго сомнѣнія, приспособлена къ эпическому складу народныхъ пѣсенъ.

III.

Что-же мы можемъ сказать, на основаніи всего этого, вообще, о духовныхъ стихахъ?

Если мы прослѣдимъ въ возможно большемъ количествѣ произведенія чисто народной фантазіи, то увидимъ изъ громаднаго большинства ихъ, что идеалы народа не имѣли ничего общаго съ библейской исторіей или, вообще, не соприкасались съ данными священной исторіи; въ духовныхъ же стихахъ Руси мы видимъ совершенно противоположное явленіе: почти всѣ они заняты исключительно вопросами религіознаго содержанія. Слѣдовательно, на Руси стихи духовные возникли со времени уже христіанской религіи изъ стремленія разъяснить себѣ новые и неясные вопросы, предложенные народу самой религіей, которая не могла сразу найти себѣ полное и вѣрное объясненіе въ грубыхъ умахъ еще язычествующаго по убѣжденіямъ народа, представляя разрушеніе его старыхъ идеаловъ. Выходъ былъ вполнѣ естественный: народъ обратился къ книгамъ и не найдя въ нихъ многаго интереснаго, пустилъ въ дѣло свою фантазію. Вотъ начало апокрифическихъ сказаній, на которыхъ основались и духовные стихи. Стремленіе разъяснить себѣ туманное, неясное, мы видимъ въ каждомъ народѣ и въ различныя времена; нашъ народъ получилъ свою образованность и принялъ многіе слѣды культуры отъ другаго народа, этотъ послѣдній, въ свою очередь, пользовался преданіями еще третьяго и т д, слѣдовательно, образованность должна была переходить въ ближайшія окрестности. Исторія намъ говоритъ о различномъ уровнѣ образованія въ различныхъ народахъ; многихъ она застаетъ уже во время извѣстнаго уровня ихъ цивилизаціи, значитъ, самое начало умственной и нравственной цивилизаціи, собственно говоря, сокрыто отъ ока исторіи, а, между тѣмъ, эта цивилизація дѣлала свое дѣло и оказывала вліяніе на сосѣдей.

Отсюда ясно, что, такъ какъ основы жизни у всѣхъ людей одинаковы, то и разрѣшеніе вопросовъ, для всего человѣчества интересныхъ, могло въ блѣдныхъ чертахъ и признакахъ появляться въ различное время, въ различныхъ мѣстахъ и, формируясь и складываясь въ отдѣльныя сказанія, переходить отъ одного народа къ другому Такъ точно было и въ жизни Русскаго народа: онъ пользовался сказаніями другихъ народовъ при составленіи своихъ собственныхъ, и въ данномъ случаѣ, при рѣшеніи вопроса о духовныхъ стихахъ, мы видимъ, что матерьяльнымъ основаніемъ ихъ служили тоже народныя сказанія — апокрифы (См о значеніи апокрифовъ въ изслѣдованіи Порфирьева «О ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ» Также Чтеніе въ Обществѣ Ист. и древн. Россійск. Январь — Мартъ. 1881 г. кн. I. «Жизнь и дѣятельность митр. Даніила» Жмакина). Стало быть, подкладкой духовныхъ стиховъ въ большинствѣ случаевъ послужилъ элементъ искуственный, книжный, какъ это мы видѣли выше.

Такимъ образомъ, духовные стихи въ русской народной словесности имѣютъ самостоятельное значеніе: они знакомятъ насъ съ той стороной духовной жизни русскаго народа, которой мы не найдемъ ни въ какихъ другихъ народныхъ произведеніяхъ. По духовнымъ стихамъ можно видѣть нравственную состоятельность христіанскаго русскаго народа; по нимъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ христіанскихъ идей въ той формѣ, въ которой онѣ прививались къ массѣ, а это знаніе подвигаетъ впередъ и разъясненіе вопросовъ изъ исторіи политической и исторіи культуры цѣлой русской націи.

Одесса. 1881 года.